

минать о них мучительно», пишет Набоков (194).

«Фонды наши,—продолжает он далее,— были конфискованы без остатка, включая все суммы, стоявшие на текущем счету посольства... Правительство (английское), однако, заявило мне, что имеет намерение «поддерживать» нас. Признаюсь, что все, связанное с материальным обеспечением посольства, переговоры мои с правительством, запросы в палате общин и комментарии печати — одно из самых болезненных жгучих воспоминаний всего этого страдного периода» (195). При обсуждении вопроса в английской палате общин, по словам Набокова, «представительство антибольшевистской России подверглось утонченному издевательствам». Вообще же члены этого злополучного представительства «воистину испили до дна чашу унижения». Горек оказался хлеб субсидий и подачек. Но какого же другого обращения заслуживали эти господа, занимавшиеся натравливанием на Россию иностранцев.

Набоков старательно описывает, как он старался стать советником английского правительства. Впрочем, замечает он, наша «официальная точка зрения перестала приниматься в соображение. Между тем министерство иностранных дел и военное принимали и выслушивали несметное число безответственных русских людей». В число этих безответственных русских людей он заносит Струве, Гучкова, Ю. Гессена, князя Белосельского, «имя же им легион», говорит он. Иностранцы пользовались этими предателями родины, но вместе с тем в душе их, конечно, глубоко презирали... В конце-концов, «влияние русских политических деятелей, дипломатов и случайных советников на политику держав согласия по отношению к России свелось к нулю. В особенности же в Англии», заключает Набоков.

А вот как Набоков описывает положение победителей после войны:

«Была победа. Но мира, свободы и благоденствия не последовало. Растерянные победители с каждым днем с изумлением соображали, что «времена мирные» еще за горами, и что плоды победы еще не созрели. Запасы хлеба, угля и мяса не увеличивались по мановению

волшебного жезла—«четырнадцать пунктов». Жить стало труднее, чем прежде. Народ начинал сердиться. Немецкого милитаризма более нет... А жить трудно... Герои, спасители отечества не находят заработка. Их жены и сестры, зарабатывавшие по десяти фунтов в неделю на заводах для изготовления снарядов,— уволены. А жизнь дорожает. Все это вызвало крик: «Экономия». Правительство должно считать каждый грош. Армию надо сократить. Лишних чиновников надо уволить. Не надо могущественного флота. Мы думали, что сдерем с немцев последнюю шкуру—и вдруг оказывается, что платить они не могут, потому что мирный договор лишил их возможности быстро встать на ноги. Все это вызвало раздражение в массах» (274—275).

С интервенцией дело тоже становится плохо, «Франция противится плану англичан мириться и торговать с Советской Россией. Из Лондона раздается голос: «А вы готовы посылать войска и тратить деньги для спасения России (под спасением России Набоков понимает интервенцию)? Когда доходит до дела, до «вынь да положь», — вы к нам. Извините—мы больше не можем» (275).

А на последней странице своей книги Набоков с глубокой грустью должен признать, что международное положение Советской России теперь в корне изменилось. В 1919 г., говорит он, Литвинов входил к англичанам с заднего крыльца. А теперь Красин подъезжает к «парадному» ходу дома, в котором живет Ллойд-Джордж».

Н. Мещеряков.

К. ОБЕРУЧЕВ. В дни революции. Воспоминания участника Великой русской революции 1917 года. Издание «Народоправства». Нью-Йорк. 1919 г. 143 стр.

В первой главе книги К. Оберучев рассказывает кратко историю своей жизни до революции 1917 г. В конце 1888 г. молодым офицером он примкнул к партии «Народной Воли». В 1889 г. Оберучев и его сотоварищи были арестованы. После полугодового заключения в тюрь-

ме он и его сотоварищи были разсланы по отдельным военным округам России. Оберучев, оставаясь офицером, был отправлен в Туркестанский край, где пробыл 10 лет. После поражения революции 1905/6 годов он был снова отправлен в Туркестан, но скоро вышел в отставку в чине полковника. Таким образом, всю свою жизнь К. Оберучев прожил военным.

Сперва он был народовольцем, а потом сблизился с эс-эрами. Но в душе своей Оберучев остался типичным обывателем. Судя по книжке, он, должно-быть, прекрасный, добрейшей души человек, но все миросозерцание его не поднимается над уровнем «честного», добропорядочного русского либерала-народника.

Февральская революция застала его в Киеве. Вскоре он был избран членом исполнительного комитета общественных организаций, который избрал его военным комиссаром Киева. Позднее он был назначен командующим войсками Киевского военного округа. Революцию он наблюдал все время в провинции.

Как истый обыватель-либерал, Оберучев не видит великих задач, стоявших перед Великой революцией. Он не вдумывается в них. Он только приходит в сентиментальный восторг по поводу того, что «над Россией взопла заря свободы, единый порыв, единое чувство овладело всеми, и не было споров, распрей и раздоров. Все жили одной верой в лучшее будущее и надеялись на укреп-

ление начал свободы и права на русской земле» (103).

Во всей книге Оберучева нет ни слова о классовой борьбе. Взамен их читатель находит только либерально-сентиментальные восторги по всякому пустяковому поводу и такие же либерально-обывательские сентенции, достойные пера мадам Курдюковой времен революции.

На ряду с обывательскими восторгами книжка Оберучева переполнена таким же чисто обывательским непониманием большевизма и страхами перед кознями большевиков. По его мнению, большевики—это «опоздавшие к революции люди, огорченные, что таковая произошла без их участия и решившие во что бы то ни стало продолжать и углублять революцию». До такой обывательской плоскости не додумывался, кажется, еще никто, кроме Оберучева. На примере этого обывателя лучше всего оправдывается известное определение филистера, согласно которому филистер—это пустая кишка, полная страха и надежды.

А между тем Оберучев—старый революционер, член партии эс-эров. Только с этой стороны, только как образчик той обывательщины, которая наполняла партию эс-эров и выдвигалась ею на видные, высокие революционные посты, интересны Оберучев и его книга. Для истории революции она не дает ничего.

Книжка была написана автором в Швеции в ноябре—декабре 1917 года.

Н. Мещеряков.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ПРОФ. И. М. КУЛИЩЕР. Очерки финансовой науки. Вып. I-й. Изд. 1919 г.

Эта книга, по словам самого автора, должна была вначале выйти под заглавием «Принципы обложения и податные системы», охватывая более узкую область финансовой науки. Затем автор переработал эту тему, превратив ее в «Очерки финансовой науки», имеющей своей целью служить пособием при изучении финансовой науки в высшей школе.

Финансовая наука—это такая область экономики, где еще бесконтрольно господствует глубоко буржуазная точка зрения на предмет, хотя действительная теоретическая основа этой экономической дисциплины коренится в третьем томе «Капитала» (Отдел седьмой—«Доходы и их источники») К. Маркса. Основным и конечным источником доходов является единственный финансовый источник—прибавочная стоимость, образуемая трудом рабочих в процессе производства. Налог является одним из разветвлений